

Вячеслав ХАРЧЕНКО

*Вячеслав Харченко родился в 1971 году в Краснодарском крае. Выпускник МГУ им. Ломоносова, учился в Литературном институте им. Горького. Стихи и проза печатались в журналах «Новая юность», «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Крещатик», «Новый берег», Ното Legens и др. Автор книги прозы «Чай со слониками» (2018), «Пылинки» (2021). В «Волге» публикуется с 2014 года. Живет в Москве.*

## ГОРОДОК

### Рассказ

Наш рейс задерживали уже на сутки, мы даже не знали, сел ли самолет из Москвы. Петр постоянно укорял меня, зачем мы приехали так рано, не посмотрев время приземления в интернете, но интернет в городке был спутниковый, не просто медленный, а неспешный и такой дорогой, что я пожалел денег.

Аэропорт городка размерами не отличался: шесть стоек регистрации, один зал вылета, полицейский участок, погранслужба, лавка с сувенирами малых народов севера, два кафе с комплексными обедами и четыре кофейных автомата, возле которых постоянно выстраивалась очередь.

Делать было нечего. Мы слонялись от курилки, расположенной на улице, до ларька с предметами народного творчества, столь дорогими, что было непонятно, кто же их покупает.

Нас было человек сто, нас всех уже изучила охрана и не просвечивала при выходе на улицу. Из всех развлечений нам оставалось разглядывать женщин, и если буфетчицу все давно полюбили и часто с ней беседовали, то вторая девушка, заслуживающая внимания, вызвала у нас больше вопросов, чем ответов. В отличие от местных женщин, одетых в огромные меховые шапки, непродуваемые комбинезоны, обладавших обветренными лицами и красными огрубевшими руками, эта девушка производила впечатление московской штучки.

На ней болталась черная норковая шубка до пояса с укороченными рукавами, сколь европейски новомодная, столь же бесполезная при сорокаградусном морозе и шквальных ветрах. Ноги ее были обтянуты черной прорезиненной джинсой, отчего смотреть на девушку было страшно и холодно. На её голове красовалась стрижка каре с челкой до глаз. Размытый фиолетовый макияж и сиреневый маникюр довершали странный вид девушки. Ее можно было бы принять за москвичку, ожидающую вместе с нами рейса в столицу, но что-то неуловимо выдавало в ней провинциалку.

Странно устроен мир, мы только что с Петей отмотали культурную вахту в городке и во время своих лекций встречались с людьми разными, как обличенными властью, так и нет, и ни разу у нас не возникло мысли о какой-то отсталости или ущербности городка, его заброшенности или дикости. Наоборот, скорее нам приходили в голову мысли о нашей ненужной столичной напыщенности, и хотя относились к нам тепло и радостно, и даже с детской восторженностью, мы все равно давали понять, что являемся людьми из другого мира, и городок наш пустой снобизм, конечно, чувствовал.

Когда мы ходили по городку одни, нас легко принимали за приезжих или командировочных, всегда пытались помочь, а однажды решили, что мы ищем, где пропустить стаканчик, и помогли в поисках злачного места.

Жителей городка отличало от приезжих то, что они всегда поддерживали не только другу друга, но и людей вообще. Мы с Петром объясняли это суровостью климата. Если здесь в сорокаградусные морозы и шквальные ветры не помочь незнакомому человеку, то

он запросто может лишиться жизни, а жизнь другого человека, честно говоря, это единственное, что еще осталось ценного в этом мире, лишенном имперских замашек, космических запусков и ДнепроГЭСа, и за нее надо бороться. Машины в городке, если голоснуть, останавливались, сбитых ветром пешеходов поднимали сердобольные прохожие, а замерзающих голубей и диких собак подкармливали всем городком.

И вот мы сидели с Петром в аэропорту в ожидании рейса на Москву и рассматривали эту особенную женщину, похожую на москвичку, одетую как москвичка, в чем-то ведущую себя как москвичка. Она постоянно смотрела в мобильный телефон и что-то быстро в него вбивала, но при этом женщина неуловимо отличалась от столичной штучки, как весна отличается от осени. Или, скорее, как ранняя календарная еще снежная весна отличается от весны поздней: с первой малосильной зеленой травкой, важными шагающими грачами и тонким запахом талой воды.

Одежда девушки хоть и была модная, но относилась к моде прошлого сезона, стрижка ее хоть и эффектна, но в европейской части такие давно уже не носили. У девушки сверкали пухлые окунеобразные губы, а ведь теперь в столицах любят тонкие кинжальные губы, да и брови больше не выщипывают, оставляют жирным волосатым сгустком. Девушка являлась модницей провинциальной. И хотя Петр поспорил со мной на пятьсот рублей, что она летит с нами в Москву, но я был уверен: девушка на посадку с нами не пойдет.

Несмотря на привлекательный вид, в разговор с девушкой никто не вступал, никто к ней не подходил, а ведь это из ряда вон выходящее событие. Красивая женщина сидит сутки с нами в аэропорту, а к ней никто не пристаёт, хотя мужики изголодались, особенно мы с Петром, мы же здесь в городке неделю уже торчим и никаких любовных приключений не имели.

Я подошел к буфетчице и спросил:

– Кто это?

Буфетчица обиделась, но ответила:

– Это Нэлли, она живет за заливом и раз в неделю, когда прилетает полупустой московский рейс, она идет к рейсу, покупает чашку кофе, сидит в моем кафе и смотрит на мужчин, потому что хочет уехать из городка.

– А она не того, – спросил я.

– Нет, она не того, – ответила грустная буфетчица, отвернувшись к ржавой раковине и стала мыть грязную столовскую посуду, которую накидали ей оленеводы после комплексного обеда.

«Боже ж мой, – подумал я, – Нэлли хочет уехать из своего городка».

Я вдруг вспомнил свой родной городок, где я родился и вырос: поросшие густым лесом сопки до неба, остроносые синие вулканы поперек горизонта, бурные и холодные снеговые ручьи. Вспомнил, как для меня было важно уехать из городка в Москву и как я обещал своим учителям, что приеду или хотя бы заеду, но, конечно, не вернулся, и даже более того, перевёз родителей и всю семью в столицу, и теперь в Подмосковье строю дачу.

Тогда для меня тоже был важен, как для Нэлли сейчас, единственный в день московский рейс. Красная икра, красная рыба, камчатский краб, бушующий океан, горнолыжные трассы были мне безразличны.

Я ежедневно по пять часов дополнительно учился точным наукам, и когда закончил школу, то легко поступил в московский вуз. Я хорошо помню день поступления. Я бежал по Ломоносовскому проспекту, прыгал вверх зайцем и орал в ночное небо: «Это я, я, я поступил!» Но, оказывается, я грыз гранит науки, чтобы транзитом через Москву приехать в такой же маленький городок и увидеть там Нэлли, выходящую ко всем московским рейсам и кого-то ожидающую и чего-то ищущую.

Я подошел к Нэлли и сел к ней за салатный пластиковый столик. Она сделала вид, что не замечает меня, хотя от мобильного телефона оторвалась. Я взял ее узенькую ладонь

в свою руку, ладошка Нэлли вспотела, она наклонила голову в мою сторону и посмотрела мне в глаза.

– Можно я куплю тебе комплексный обед? – спросил я и внимательно вгляделся в ее скуластое лицо. Такие лица бывают у женщин Сибири при смеси европейской крови, как правило, украинской, с местным населением. Глаза у Нэлли были черные, что еще больше подтверждало мое предположение.

Себе я купил сосиски с капустой и куриный суп, а перед Нэлли поставил борщ и пельмени. Мы молча ели, иногда Нэлли останавливалась и долго смотрела на меня, словно хотела спросить, что я собираюсь делать дальше.

За окном светило яркое утреннее солнце, рейс откладывали на неопределенное время, и хотя буран уже стих и дело было за малым: расчистить взлетную полосу, мы взяли с Нэлли такси, и она решила показать мне тундру и городок.

Тундра завораживала белым безмолвным сиянием, небольшой, но колючий и болезненный ветерок забирался под одежду, я никак не мог сосредоточиться на окружающей нас скудной красоте, делал снимки на мобильный телефон и то и дело поглядывал на Нэлли. Нэлли покраснелась, ее пухлые губки приоткрылись, на солнце то и дело сверкали ровные снежные зубки.

Потом мы поехали к Кресту. Я стоял в обнимку с Нэлли у парапета и осматривал полярную Венецию, красочную и нарядную, как картинки Кандинского, и думал о том, что же будет с нами завтра. Мне не хотелось завтра, мне, если честно, не хотелось лететь в Москву, в огромный, тяжелый и суматошный мегаполис.

Когда мы добрались до памятника каким-то убиенным революционерам, на мобильный телефон позвонил Петр и сказал, что на рейс объявили регистрацию. Нэлли, услышав наш разговор, попросила таксиста ехать в аэропорт, и вот когда мы ползли по замерзшему заливу обратно, мне вдруг показалось, что нет ничего более ужасного и подлого, чем весь этот комплексный обед и никому ненужная сентиментальная поездка по городку, который я и так уже не раз видел.

«Меня всегда подводила моя порывистость», – подумал я и зачем-то поцеловал Нэлли в губы, но Нэлли не пошла за мной в аэропорт. Она высадила меня у стеклянных стальных дверей, даже не помахала рукой, но я отчетливо услышал ее слова: «Спасибо, Миша».

Зарегистрировались мы с Петром одни из последних, но здесь в маленьких городках и небольших аэропортах принято ждать каждого пассажира, потому что каждый пассажир, как я говорил выше, ценен и важен. Может, он еще вернется сюда и принесет городку если ни пользу, то благую весть, или расскажет на большой земле о необъяснимой ценности и цельности его жителей.

Мы взяли с Петром билеты рядом, самолет летел полупустой. Тут и там поперек кресел лежали желающие проспать весь полет пассажиры, между которыми происходила замысловатая борьба за свободные ряды.

Петр внимательно осматрел весь салон и улыбнувшись сказал мне:

– Ну и где твоя девка?

А я почему-то закричал на него, не знаю, не сдержался и закричал:

– Нет, Петя, нет, Нэлли не девка, Нэлли – Ассоль, и тебе этого не понять, потому что ты родился в Москве и вырос в Москве, и любимый твой район Сокольники, и у тебя треклятая ипотека, а у меня траханная недостроенная дача, и не тебе судить Нэлли.

Потом я встал и отсел от Петра на места повышенной комфортности, заплатил полторы тысячи рублей и отсел туда, где можно вытянуть ноги, хотя это странно и смешно – платить лишние полторы тысячи рублей в полупустом самолете.

А лайнер уже птичкой невеличкой цокал лапками по бетонной полосе, и нам с Петром казалось, что мы летим, летим и считаем деньги в голове, потому что Петру надо платить за ипотеку, а мне стоять дачу, и я вдруг понял для себя, что мне важнее всего Нэлли, и я бы взял Нэлли с собой, но у меня жена и дочка. Дочка выросла и учится в

Дублине, и жена живет с ней. Я честно не знаю, зачем жена это делает, потому что дочка уже взрослая.

И тут Петр, как бы услышав, что я думаю, произнес: «Что делать, мы мужчины, нам некуда деваться, мы ездим по разным углам и ведем культурную работу, потому что твоя дочка в Дублине, а моя жена зачем-то взяла ипотеку, она думает, если отселить маму, то все наладится, и наша жизнь приобретет нужный оттенок, а я ведь говорил ей, что все дело не в этом, а просто надо любить жизнь, любить городок, любить родину».

Весь полет Петр с его двухметровым ростом, вжавшись в маленькое тесное креслице, спал, а я, сидя в шикарном кресле повышенной комфортности, под выданным мне услужливым стюардом клетчатым шерстяным пледом не спал и смотрел в окошко. Там где-то внизу проплывала земля, и где-то там были раскиданы городки и городишки. В каждом сидела своя Нэлли, или Гала, или Стэлла, и каждой из них хотелось уехать из своего городка, но они не понимали, что если ты родился в маленьком городке, то уехать из него невозможно. Он обязательно вернется к тебе, пусть даже через тридцать пять лет, потому что городок это ты сам.

Когда самолет коснулся Земли, все вскочили и стали хлопать, потому что пилот посадил машину плавно и правильно, и потому что всем давно хотелось прийти домой, ведь перелет из городка занимает десять часов.

После выдачи багажа мы вышли с Петром на улицу и закурили, так как не курили весь полет, ведь сейчас запрещено дымить даже электронной сигаретой. Когда-то в 1996 году я летал в Сургут, и нас, курящих, высаживали в конец самолета, как смертников, и мы сидели и курили в полете как ни в чем не бывало. Сейчас представить это невозможно, поэтому мы стояли с Петром и курили уже по третьей сигарете, даже не потому, что нам хотелось курить, а просто потому, что мы соскучились по сигаретам.

В городке звенел мороз минус тридцать, а мартовская Москва встретила нас нулем градусов, и было хорошо и отрадно, что мучивший нас с Петром вопрос наконец-то разрешился. Мы вышли из здания аэропорта и долго спорили, на чем нам ехать, и в итоге остановились на аэроэкспрессе, который идет до Киевского вокзала.

В городке нам обещали показать северное сияние, но, к сожалению, случая не представилось, и заядлый фотограф Петр, привезший с собой навороченную технику, остался без снимков.

Сейчас же Петр достал фотоаппарат и радостно щелкал пейзажи ночной Москвы, которые для него, конечно, ничего не значили, потому что трудно смириться с Москвой, если ты был в городке.

И если бы у меня было две жизни, одну бы я провел в городке, чтобы не было мучительно больно никому и ни за что.